

УДК 81'23^159.9.072+159.922+159.928.235

О СОДЕРЖАНИИ БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

В.А. Пищальникова

Московский государственный
лингвистический университет, Москва

Обсуждаются базовые термины: «языковое сознание», «образ сознания», «образ мира». Демонстрируется необходимость методологического анализа и корректного использования чётко определённых терминов.

Ключевые слова: *языковое сознание, образ сознания, образ мира, психолингвистика, ассоциативный эксперимент.*

Состояние базовой терминологии в некоторых направлениях современной отечественной психолингвистики таково, что не лишне вспомнить методологический принцип, получивший название по имени английского монаха-францисканца, философа-номиналиста Уильяма Оккама, – «брита Оккама», или «лезвие Оккама»: не следует привлекать новые сущности без самой крайней на то необходимости. Не следует вводить новый термин с нестрогим заданным содержанием, если с его помощью нельзя получить новое знание об объекте или можно получить только уже известный результат.

М.И. Стеблин-Каменский писал:

«... всякое лингвистическое описание – это проблема прежде всего терминологическая. Именно поэтому прогресс в языкознании – это нередко иллюзия, обусловленная тем, что вводятся новые термины, которые, в сущности, не обозначают ничего нового, или тем, что старые термины получают нечёткое, расплывчатое, метафорическое употребление» [7, с. 81].

Во многом такое положение объясняется тем, что многие исследователи не озабочены чёткими представлениями об объекте своего научного изыскания, а, следовательно, и набором тех понятий, с помощью которых они осуществляют лингвистический анализ. Поэтому действительно новые результаты становятся в языковедческих исследованиях редкостью, а значительную часть лингвистической продукции составляют очевидно эклектические работы. То, что объект научного исследования задаётся произвольно и произвольным количеством параметров, часто воспринимается как возможность вообще не формулировать этот объект. Потому термины как средства толкования этого объекта, как инструменты его интерпретации избираются зачастую случайно, под влиянием специфической лингвистической «моды», без необходимой

методологической обработки, и не выстраиваются в строго определённую и непротиворечивую систему. При этом исследователи забывают, что не существует единственно возможного и единственно правильного источника эмпирических знаний, и характер получаемого лингвистического знания зависит от инструментов, с помощью которых мы знание выявляем, – от терминов.

Рассмотрим содержание только двух терминов, которые считаются базовыми инструментами достижения целей психолингвистического исследования в рамках направления, связанного с изучением так называемого языкового сознания: *языковое сознание, образ сознания*.

Е.Ф. Тарасов, как и полагается главе институционализованного направления в науке, неоднократно акцентировал специфику предметной области и объекта отечественной психолингвистики. В очередной раз подчеркивая специфичность возглавляемого им научного направления, исследователь пишет:

«Психолингвистика – стыковая (пограничная) дисциплина, возникшая для решения проблем производства и восприятия речи, онтогенеза языка и речевого общения, *по определению содержит психологический и лингвистический понятийные аппараты*» [10, с. 4. Курсив мой. – В. П.].

Такое определение противоречит характеру *междисциплинарного* объекта, разработанного А.А. Леонтьевым в рамках отечественной теории речевой деятельности, – речевой деятельности.

Конечно, с момента формулирования объекта и предмета теории речевой деятельности А.А. Леонтьевым прошло более 60 лет, и, естественно, в исследовательское поле включаются всё новые и новые психолингвистические объекты. Но всё это объекты *междисциплинарного* исследования. Какова принципиальная разница между дисциплинарным и междисциплинарным подходами в изучении объекта?

Дисциплинарный подход решает конкретную задачу, которая возникает в историческом контексте развития предмета исследования. При этом подбираются методы, ограниченные пониманием самого объекта, разработанные для исследования именно этого объекта. Например, все лингвистические исследования так или иначе выявляют сущность устройства и функционирования языка. Но междисциплинарный подход требует разработки совершенно *нового метода*, который может толковать вновь сформулированный *синкретический* объект. Потому что имеющиеся методы не способны выявить сущность этой синкретичности. Новый междисциплинарный объект не может быть исследован с помощью старого понятийного аппарата. А если какой-то дисциплинарный термин всё-таки используется, он требует обязательного приспособления для описания нового объекта.

Психология, лингвистика, логика, физиология и другие науки моделируют один и тот же феномен – речевую деятельность, но каждая наука – для своих целей. И если мы заявляем о речевой деятельности как особом междисциплинарном объекте, то «система категорий, описывающих речевую деятельность, должна быть приемлемой для любой из наук, занимающихся её исследованием» [2, с. 13], а не просто заимствоваться из той или иной науки. Т.е. методологически при исследовании междисциплинарного объекта нужно идти от создания специфического метода. Можно ли обойтись без этого? Как показывает опыт, можно. Больше сорока лет назад А.А. Леонтьев, правда, по другому методологическому поводу писал:

«А для чего, собственно, нужно вообще то или иное решение этого вопроса? Нельзя ли обойтись вообще без подобных категорий? Вероятно, в принципе можно, как можно жить в доме со снятыми лесами. Но построить дом без лесов невозможно. А мы сейчас только строим свой дом» [4, с. 25].

Понятийные аппараты психологии и лингвистики должны быть соотнесены с новым – психолингвистическим – объектом. Нельзя просто вырвать лингвистический или психологический термин из контекста теории, в которой он занимал вполне определенное место. Потому что содержание термина как инструмента познания зависит от его соотношения с другими в рамках определенной теории.

Е.Ф. Тарасов, активно пропагандирующий исследование «языкового сознания», пишет:

«Языковое сознание – это совокупность подходов, методов и методик анализа процессов использования знаний при производстве и восприятии речи, которое пришло на смену менее адекватному представлению о значении слова как способа описания знаний, вовлекаемых в процесс речевого общения» [11, с. 4].

Сравним это определение с определением 2000-го года, тем более что оно часто цитируется:

«Языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [8, с. 26].

Представленное понимание языкового сознания не может иметь статус дефиниции по очевидному основанию: оно опирается на базовое понятие *образ сознания*, границы и параметры которого не установлены. Следовательно, не может быть установлена и корреляция *образа сознания* с «овнешнителями разного порядка», потому что образ сознания в соответствии с таким определением может быть «овнешнён» любым элементом языка. В этом случае он автоматически перестает быть

инструментом анализа и не может привести к новым данным о некотором объекте.

В 1996 г. и в 2003 г. Е.Ф. Тарасов называет «онтологией ЯС (языкового сознания – В.П.) в отечественной психолингвистике» уже «практику межкультурного общения» [9, с. 5; 11], и если проследить большинство определений языкового сознания, то можно отметить, что постепенно эти определения отходят от выявления существенных характеристик объекта, а всё чаще заменяются перечислением того, с помощью чего изучается заявленный объект. Поэтому к исследованию конкретного языкового материала привлекаются «подходы, методы и методики анализа», активно заимствующиеся из других теоретических систем без должной методологической обработки. Например, для анализа результатов ассоциативного эксперимента используют термины *лексическое значение, концепт, домен* и др. Эти лингвистические понятия предназначены для изучения иных, не психолингвистических объектов. И специфика такого объекта не может быть установлена с помощью перечисленного инструментария – он не приспособлен к обнаружению свойств этого синкретического объекта.

Формулирование цели психолингвистического исследования в рамках анализируемого направления как анализа процессов использования знаний при производстве и восприятии речи показывает, что «языковое сознание» как исследовательское направление выходит за рамки теории речевой деятельности, сформулированной А.А. Леонтьевым. (Ср.: задача теории речевой деятельности, по А.А. Леонтьеву, – выявить специфическую структуру этой деятельности, «начисто отказавшись от представления этой структуры как своего рода зеркального отражения (хотя бы и в кривом зеркале) системы языка» [3, с. 20]). Но по понятным причинам методологам этого направления приходится постоянно подчеркивать свою связь с позицией А.Н. Леонтьева и А.А. Леонтьева. При этом никто особенно не заботится о неразрешимых противоречиях, возникающих в таких попытках впрячь в одну телегу коня и трепетную лань. Речь идет о то ли нечаянном, то ли намеренном приписывании словосочетания *образ сознания* А.Н. Леонтьеву. Утверждение, что А.Н. Леонтьев и В.П. Зинченко якобы причастны к созданию упомянутого словосочетания упорно повторяется:

«Вслед за А. Н. Леонтьевым (1977) и В. П. Зинченко (1988) в структуре образа сознания можно выделить два слоя: рефлексивный (или рефлексивно-созерцательный) и бытийный слой...» [12, с. 94. Курсив мой. – В.П.].

А далее в тексте статьи представлена схема, в которой, что соответствует позиции названных ученых, чёрным по белому написано: *слоя сознания*, а не *слоя образа сознания*. Такое откровенное и незамысловатое

тое передергивание определений, может быть, и позволяет создавать «методологию», но, право же, весьма специфическую.

Наверное, нелишне еще раз подчеркнуть некоторые принципиальные положения, связанные с формированием А.Н. Леонтьевым методологической категории *образ мира*.

Во-первых, для А.Н. Леонтьева образ мира не представляет конкретной единицы сознания. В своей концепции ученый опирается на понятие образа мира как интегративного «отображения в психике человека предметного мира, опосредствованного предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающегося сознательной рефлексии» [3, с. 268].

Т.е. образ мира, по сути, – это *специфический интегративный способ представления мира в сознании*. Это методологический принцип, и его реализация требует создания специальных исследовательских методик, приемов, операций. Поэтому использовать это понятие непосредственно в качестве инструмента интерпретации речевой деятельности просто невозможно.

Во-вторых, основным свойством образа мира является его *амодальность*. Различение между «миром образов» отдельных чувственных впечатлений и целостным «образом мира» стало у А.Н. Леонтьева принципиальным. Образ реальности – это то отношение, которое устанавливается ассоциативной связью между воспринимаемой в конкретной модальности реальностью и неким ментальным образованием. Образ мира – это принцип отображения действительности в сознании на основе интеграции всех модальностей восприятия. Поэтому образ мира принципиально несводим к совокупности отдельных образов. Вот этот определяющий методологический принцип игнорируется, когда появляется словосочетание *образ (языкового) сознания*. Нельзя рассматривать *образ восприятия* как элемент или единицу *образа мира* – это *абстракции разных уровней и разных сущностей*.

Модальность восприятия, подчеркивает А.Н. Леонтьев, не определяет характер мнемического следа, характер ментального образования. В памяти сохраняются только смыслы, а не модальность стимула, инициирующего смысл. В каждый момент восприятия психические продукты уникальны, но формы их фиксации универсальны. В силу этого семантическая модель мира амодальна. Эта система универсальных психических форм представления знаний, полученных на основе любых модальностей, и есть образ мира индивида.

Отмеченная методологическая ошибка закономерно приводит к принципиальным ошибкам в анализе материала. Если опираться на понимание образа мира, как его понимал А.Н. Леонтьев, то недопустимо анализировать соотношение «стимул – реакция» как соотношение слова

и обозначенного словом предмета или определенного комплекса знаний, соотнесенного с этим словом. (Впрочем, такое соотношение анализировать можно, но в рамках собственно лингвистической парадигмы). Парадигма же теории речевой деятельности задает анализ смысловых структур, обнаруживающихся за конкретной ассоциативной связью «стимул – реакция».

К типичным методологическим ошибкам можно отнести отождествление ассоциативного поля как «фрагмента вербальной памяти человека» с «образом мира того или иного этноса, отраженного в сознании» [6, с. 86]. Здесь даже ошибка двойная. С одной стороны, данные о вербальной памяти определенной *совокупности* индивидов могут служить основой для установления специфики *картины мира* этноса. Картина мира – категория, интерпретирующая *содержательную* специфику конкретных образов восприятия и их системы. Но не образа мира как системы *универсальных форм* фиксации знаний. (Вопрос о том, может ли образ мира быть специфичным для этноса, весьма сложен и требует специального изучения).

Вербальные ассоциации, служащие материалом для суждения о языковом сознании, отражают прежде всего ассоциативные связи лексических единиц. Они лишь указывают на лексическую единицу, как-то соотносимую с содержанием образа восприятия, и как-то представляют универсальные психические формы фиксации знания. Исследователь и должен определить характер этого соотношения, установить характер действия со словом (языком), определить, каким способом в связи «стимул – ассоциат» отражается превращение образа восприятия в амодальный смысл.

Для выявления этого содержания необходимы особые методики исследования связей между стимулом и ассоциатом. Пока же эта связь чаще всего интерпретируется как отношение двух лексических единиц – единиц языка. А характеристика этого отношения рассматривается – на мой взгляд, абсолютно неправомечно – как характеристика составляющих «образа сознания».

В-третьих, А.А. Леонтьев подчеркивает, что внимание человека одновременно может быть сконцентрировано только на одном «ситуативном фрагменте», «высвечивается» отдельный предмет, а затем внимание и сознание переключается на другой – и так без конца». Одновременно это «переключение предполагает переход предмета (его означенного образа) с одного уровня осознанности на другой» [3, с. 269], поскольку образ мира, как и сам мир, многомерен. Перечисленные признаки указывают на *субъективность* образа мира. Тем не менее, соотносимость индивидуальных деятельностей в единой культурной среде обуславливает появление общих компонентов сознания. Но в этом случае, если мы хотим понять закономерности структу-

рирования образа мира, нужно говорить не о конкретном содержании знания, а об универсальных способах его фиксации, о том, как осуществляется этот переход означенного образа с одного уровня осознанности на другой.

Кроме того, можно вполне согласиться с А.А. Леонтьевым, что объективность образа мира как конструкта иного уровня обобщения возможна и по другому основанию. Достигается она тем, что познание человеком действительности опосредовано единой системой значений (и не только языковых!) для всех представителей социума. Она усваивается в процессе социализации.

«... Индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне "готовых" значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной и массовой коммуникации» [5, с. 154].

Единая система значений задает еще одно основание для объективности образа мира.

Среди психолингвистов распространено убеждение, что с помощью ассоциативного эксперимента можно выявить не только *системность образа мира* той или иной культуры, но и *системность* самого образа сознания, который стоит за словом, т.е. «системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение в психологическом смысле» [12, с. 96]. Данные ассоциативного эксперимента могут стать основой для интерпретации образа мира, но для этого нужно установить универсальные способы представления знания в сознании.

Однако в цитируемом фрагменте наблюдается неаргументированное расширение термина *образ мира* до *образа мира культуры*. Может быть, и есть основания утверждать, что существуют национально специфические образы мира. Только для этого, как мы уже отмечали, надо понять онтологию образа мира, выявить его структуру и, как водится в науке, его составляющие. Кроме того, получается, что *значение* и *новообретенный образ сознания*, если говорить о значении в психологическом смысле (а только этого требует общепсихологическая теория деятельности!), практически тождественны. Здесь, видимо, надо вспомнить аристотелевский принцип достаточного основания: зачем без надобности создавать новый термин? Тем более что и самому автору статьи *образ сознания* оказывается не особенно необходимым:

«... хотя содержание образа языкового сознания, стоящего за словом изучаемого иностранного языка у искусственного билингва, меняется в процессе изучения языка, однако его структура (т.е. системность) определяется системностью значения его эквивалента в родном языке» [12, с. 96].

Не составит труда увидеть в этом положении, что системность «образа языкового сознания» равна его структуре, и это тождество определяется системностью языкового значения, которая равна его структурности. Это позволяет анализировать языковое значение, а его содержание приписывать почему-то «образу языкового сознания». И психолингвистическая парадигма по сути оказывается не при чем. (Об «эквивалентах» образа сознания и языковых элементов говорить уже просто неловко: не единожды, в том числе и экспериментально, доказывалась невозможность такой эквивалентности).

По сути, опираясь на предложенные теоретические постулаты и «понятия», на противоречивые и не вполне определенные модели, учёный не может получить никакого нового знания. Однако некоторые исследователи, опираясь на приведённые в качестве примеров положения, претендуют не только на моделирование, но на и *реконструкцию* языкового сознания, т.е. ставят цель восстановить реально существовавшие компоненты сознания [12, с. 97]. Такая цель, по мнению исследователя, может быть достигнута при сопоставлении данных «Русского ассоциативного словаря» и результатов моделирования содержания сознания человека, жившего в X–XI вв., по материалам старославянского словаря Т.И. Вендиной. Тем, что это словари абсолютно разного типа, что старославянский словарь может отражать только очень ограниченную лексическую область и никак не отражает быденное сознание древних русичей, реально живших в X–XI вв., что сопоставлять придется генетически разные языки, исследователь считает возможным пренебречь.

В анализируемой позиции по сути утверждается изоморфизм *образа сознания* как конструкта и той или иной совокупности знаний. Но психолингвистика решает иную задачу – установить характер преобразования образов восприятия конкретных модальностей в амодальные языковые смыслы. В соответствии же с позицией Н.В. Уфимцевой мы вынуждены будем исходить из аксиомы об исходной системности знаний, которыми владеет индивид, и проецировать эту системность на психические виды деятельности. И тогда системность знания жёстко обуславливает системность образа мира и можно применять к анализу полученных реакций лингвистический аппарат. Но это не приносит ни психолингвистического, ни лингвистического, ни какого-либо другого *нового* знания.

Кроме того, утверждение о том, что ассоциативный эксперимент может стать адекватным средством установления системности образа мира индивида, не очевидно. Ведь общеизвестно, что содержание ассоциатов зависит от характера их включенности в речевую деятельность. А последняя определяется практически неисчислимым количеством факторов. (Вспомним кстати экспериментально основательно аргументированное мнение Л.В. Сахарного о том, что никакой другой систем-

ности, кроме системности языкового значения, в вербальных ассоциациях установить невозможно).

Между тем в отечественной психолингвистике четко сформулирована и аргументирована позиция, согласно которой, с одной стороны,

«... языковые знания неразрывно *связаны* с образом мира у пользующегося языком человека, т.е. с другими видами знаний, а с другой – исследование языкового знания требует выхода за пределы лингвистики в психологию, социологию, культурологию и т.д.» [1, с. 7. Курсив мой. – В.П.].

Отсюда очевидно, что нельзя приравнивать языковую семантику и неязыковые значения или устанавливать между ними отношения только изоморфного характера. (Заметим попутно, что у А.А. Залевской термин *образ мира* используется в значении, заданном А.Н. Леонтьевым.) В этой позиции четко продемонстрирована связь образа мира и знаний, но не единство их.

Список литературы

1. Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований [Текст] / А.А. Залевская // *Вопр. психолингвистики*. – 2007. – № 5. – С.4–19.
2. Жинкин Н. И. Механизмы речи [Текст] / Н.И. Жинкин – М. : Изд-во Акад. пед. наук СССР, 1958. – 370 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев – М. : Смысл, 1997. – 287 с.
4. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975 – 304 с.
6. Медведева Л.П. Национально-культурная специфика речевого мышления англичан, русских и бурят (на материале домена «Игра») [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.П. Медведева; Московский гос. лингвистический ун-т. – М., 2005. – 187 с.
7. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании [Текст] / М.И. Стеблин-Каменский.– Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1974.– 139 с.
8. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания [Текст] / Е.Ф. Тарасов / *Языковое сознание и образ мира* : сб. ст. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 24–32.
9. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания [Текст] / Е.Ф. Тарасов / *Этнокультурная специфика языкового сознания* : сб. ст. – М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7–22.

10. Тарасов Е.Ф. Предисловие [Текст] / Е.Ф. Тарасов // *Вопр. психолингвистики.* – 2006. – № 4. – С.4.
11. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание: устоявшееся и спорное (предисловие) [Текст] / Е.Ф. Тарасов // *Языковое сознание: устоявшееся и спорное : XIV международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл. (Москва, 29–31 мая 2003 г.)* / ред. Е.Ф. Тарасов. – М.: ИЯ РАН, 2003. – С.5–6.
12. Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня [Текст] / Н.В. Уфимцева // *Вопр. психолингвистики.* – 2006. – № 4. – С.92–100.

ON THE CONTENT OF BASIC TERMS IN MODERN RUSSIAN PSYCHOLINGUISTICS

V.A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow

The need for methodological (procedural) analysis, clear definition and proper usage of the terms “linguistic awareness”, “mental image”, “world image” is argued.

Keywords: *linguistic awareness, mental image, world image, psycholinguistics, association experiment.*

Об авторе:

ПИЩАЛЬНИКОВА Вера Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета, e-mail: pishchalnikova@mail.ru